МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

А8-А9

СССР, 103829,
ГСП, Москва,
ул. Тверская, 16/2.
тел. 229-81-86

№ 39 «26» октября 1993

ЕГОР ГАЙДАР: «ПОЙТИ НА ЖЕСТКИЕ МЕРЫ МОЖЕТ ТОЛЬКО ОЧЕНЬ ЕДИНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Гайдар вернулся на Старую площадь. С декабря 1992 года, когда и.о. премьер-министра уступил кресло Виктору Черномырдину, многое изменилось в коридорах и кабинетах правительства. Готов ли Гайдар принять новые правила игры или намерен установить собственные? Об этом с первым вице-премьером Егором ГАЙДАРОМ беседует обозреватель «МН» Владимир ОРЛОВ.

«МН» № 39, 26 сентября 1993 г.

— Вы возвращаетесь в правительство, но за минувшие месяцы экономика, согласитесь, ушла для вас на второй план. Вы теперь больше политик...

— Летом 1992 года я разговаривал с Вацлавом Клаусом (премьер-министр Чехии. — В.О.). Вацлав тогда очень ругал меня и Лешека Бальцеровича (автора «шоковой терапии» в Польше. — В.О.) за то, что мы не хотели заниматься политическим обеспечением нашего экономического курса. Он доказывал, что мы таким образом становимся заложниками текущих перипетий. Я с Вацлавом согласился. Скажем, при всех недостатках либерально-демократической партии Японии она создавала оптимальные возможности для экономического роста в течение более сорока лет. Если такой политической структуры нет, все наши экономические изыски бессмысленны. Поэтому я вынужден заниматься политикой в гораздо большей степени, чем мне бы этого хотелось и чем мне бы это нравилось.

— Какие задачи вы должны решить в первую очередь?

— В сентябрьской ситуации меня больше всего беспокоят — пусть это не покажется странным — краткосрочные экономические и финансовые проблемы. В 1993 году проводились по сути две разные экономические политики. Одна была воплощена «в бюджете на основе принятых обязательств». Проще говоря, это мягкая, приятная политика, где все дают или по крайней мере все обещают. Другая — достаточно жесткая, пресекающая избыточное финансирование, направленная на постепенное снижение инфляции.

Совмещение двух этих политик в течение сколько-нибудь продолжительного времени неизбежно приведет к образованию крупного нарыва в виде невыполненных финансовых обязательств. В результате накапливаются конфликты: с предприятиями, которым не заплатило государство, хотя вроде бы обещало; с регионами, которые все громче стонут о «недофинансировании»... Параллельно нарастает и бюджетный дефицит. Если и дальше следовать щедро раздаваемым обязательствам, нас ждет скачок дефицита бюджета в пять-шесть раз. Поэтому необходимо уже в сентябре—октябре провести достаточно жесткие меры по снятию избыточных обязательств...

— Вернемся к правительству. Видимо, подлежит незамедлительному решению и вопрос о его структуре. В нем невероятное число вице-премьеров — девять! Сокращения необходимы?

— В существующей структуре правительства далеко не все в порядке, и здесь потребуются корректировки. Однако реорганизация Кабинета министров, на мой взгляд, не главная задача сегодня. Наоборот, очередная реорганизация способна вообще парализовать работу правительства.

— Коррупция существовала в том правительстве, откуда вы ушли, существует, видимо, и в том, куда вы приходите. Но вместо борьбы с ней мы видим, по-моему, стремление политических соперников «потопить» друг друга...

— Я очень сожалею о том, как развивается весь этот конфликт. В результате вообще снизилось доверие к власти. Но есть и другой негативный момент. Сегодня, наблюдая, как работает правительство, я вижу: каждый чиновник думает только о том, как бы, не дай Бог, ничего не решить и ничего не подписать, чтобы потом не объясняться. Невозможно стало принимать решения. А когда государственная машина ничего не решает — это уже беда.

— Вы остаетесь лидером блока «Выбор России»?

— Да.

— Интересы вашего блока на сегодняшний момент, как я понимаю, заключаются в окончательном упрочении позиций в правительстве и в роспуске Верховного Совета...

— Я бы предпочел ответить так: вы сформулировали идеологическую гипотезу, я с интересом ее выслушал.

— Хорошо, посмотрим на вашу идею скорейших парламентских выборов. Вы продолжаете на ней настаивать. Но на дворе сентябрь. Выборы этой осенью — не иллюзия ли?

— Мы реалисты и отстаиваем идею ранних парламентских выборов не потому, что не видим проблем, связанных с ними, а потому, что считаем это наилучшим решением для России. Причем решением объективно необходимым, в котором нас готовы поддержать не только наши единомышленники. При этом я вовсе не исключаю того, что нам не удастся провести выборы не только этой осенью, но и позже.

— Вы говорите «не только наши единомышленники». Вот вы незадолго до вашего назначения неожиданно для многих встретились с Вольским...

— Ну почему же «неожиданно для многих»? Я с Аркадием Ивановичем встречаюсь регулярно.

— Но по крайней мере это было преподнесено как многообещающая, очень важная встреча, как объединение ваших промышленно-предпринимательских структур...

— Все, связанное с этой встречей, было сильно преувеличено. Мы с Вольским действительно встречались, обсуждали политический процесс, договаривались, в каких вопросах мы являемся единомышленниками, а где нас многое разделяет. Пока формальных решений о нашем объединении мы не принимали, и я не думаю, что в ближайшее время примем.

— Многие последние шаги президента кажутся противоречивыми. Ровно месяц назад вы говорили, что ваша поддержка его действий «не безусловна». Какие из последних шагов президента вызывали у вас поддержку, какие — сомнение?

— Поддержку — решение президента приостановить действие своего распоряжения о приватизации «по Лобову». Сомнение — текст первоначального распоряжения президента о поддержке плана Лобова. Хотя здесь я точно знаю, что президент был неправильно, вернее, не совсем точно информирован.

— В правительстве у вас, скорее всего, найдется немало оппонентов. Сможете ли вы, несмотря на это, осуществить собственную финансово-экономическую программу? Говорили ли вы об этом с Виктором Черномырдиным в тот день, когда он официально предложил вам пост вице-премьера?

— Да, говорили. Я сказал, что меня очень беспокоит отсутствие возможности для гибкого маневра, особенно в условиях нынешнего политического кризиса. Пойти на маневр, а именно на жесткие меры может только очень единое правительство. Но никак не разрозненное, раздробленное и погрязшее в склоках.

КОММЕНТАРИЙ «МН»

Месяц назад в интервью «Московским новостям» Егор Гайдар сказал: «Исключить для себя, что в определенной ситуации вернусь в правительство, я не могу». Это было переломное признание — раньше директор института экономики переходного периода явно дистанцировался от кабинета Черномырдина (да в некотором смысле и от администрации Ельцина) и ограничивался «советами постороннего». Тут было и чувство самосохранения, и политический расчет: чем больше выдержать паузу, тем легче потом ставить свои условия. В конце августа Гайдар почувствовал, однако, что дольше пауза тянуться не может: попытки правительства свернуть с первоначального плана финансовой стабилизации и приватизации стали очевидными.

Гайдар возвращается на ступень ниже, чем он стоял год назад. Но это «понижение» слишком условно, чтобы быть значимым. В свое время Гайдар так и начинал — с поста вице-премьера, даже и не первого. Тогда его патроном был Ельцин. Сейчас, собственно говоря, тоже. Но Черномырдин, «обстрелянный» и проверенный, не становится лишним звеном. Роль «практика-прагматика», не интересующегося политическими баталиями, он играет успешно. А такая фигура сейчас особенно нужна как контраст явно ангажированному Гайдару.

Очевидно, что замысел Гайдара — в создании единого Министерства экономики и финансов. Любопытно, что к точно такому же выводу совершенно самостоятельно пришел министр финансов Федоров. Не столкнутся ли эти два профессионала? Гарантией от этого мог бы служить перевод Федорова на место Геращенко, в Центральный банк. Но для такой комбинации сегодня мало что готово, не говоря уже о вполне предсказуемой реакции Верховного Совета.

Но вот что точно не смущает Гайдара, так это реакция Верховного Совета как такого самого. Он и в прошлом году давал парламентариям снисходительные уроки политэкономии, а сейчас настроен вообще игнорировать их. Гайдар сегодня — один из наиболее радикальных политиков. Он слишком скептически смотрит на возможность компромисса с парламентом и активнее многих рекомендует президенту переходить к «решительным действиям». В этом смысле Гайдар искреннее многих — он готов снова рискнуть своим положением, но лично помочь разорвать замкнутый политико-правовой круг, из которого Ельцин не может выбраться второй год.